

DOI: 10.12731/2218-7405-2013-9-67

УДК 81'37

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ ФИЛОСОФСКИХ КОМПОЗИТОВ СТРУКТУРИРУЮЩИХ МНОГОМЕРНЫЙ СМЫСЛ

Бредихин С.Н.

Целью данного исследования является анализ феномена языковой игры и комплексной текстовой игры в процессе порождения смысла в текстах исходного языка и наиболее эффективных трансформаций при трансляции многомерного смысла в тексте переводящего языка. Центральной проблемой можно считать раскрытие механизмов создания смысла и его воссоздания в процессе трансляции в инокультурную среду.

Суперконструкт смысл рассматривается как иерархическая структура интенционально релевантных нозм как мельчайших квантов многомерного и многогранного смысла, что и обуславливает выбор переводческих решений не всегда соответствующих букве оригинала. Исследование строится на принципах нозматической и феноменологической рефлексии как основ декодирования смысла философского дискурса как на интуитивном уровне, так и на третьем уровне абстракции строится анализ данных решений. Нозматический анализ суперструктуры смысла и деривационных моделей многомерного смысла позволяет вычленить когнитивные операции процесса декодирования и рассмотреть иерархическую структуру трансформаций, обеспечивающих данный процесс.

В результате вычленяются четыре группы окказиональных дериватов с новым смыслом, и соответственно им – наиболее эффективные способы

адекватного перевода окказиональных многоуровневых смысловых конструкторов философских текстов.

Ключевые слова: декодирование, деривационные модели, философский дискурс, трансформации смысловой суперструктуры, текстовая игра.

TRANSLATION TRANSFORMATIONS IN THE INTERPRETATION PROCESS OF THE OCCASIONAL PHILOSOPHICAL COMPOSITES VERBALIZING MULTIDIMENSIONAL SENSE

Bredikhin S.N.

The aim of this study is to analyze the phenomenon of language games and comprehensive text game in the process of sense derivation in the original texts and the most efficient transformations in a transferring of the multidimensional sense in the translating text. As the Central problem can be considered the disclosure of sense derivation mechanisms and its re-creation in the translation process in foreign culture environment.

Sense superstructure is seen as a hierarchical structure of intentional relevant noems as the smallest quanta of multidimensional and multifaceted sense that determines the choice of translation solutions which do not always meet the letter of the original. The analysis is based on the principles of noematic and phenomenological reflection as a basis for sense decoding of the philosophical discourse on the intuitive level as well as on the third level of abstraction. Noematic analysis of the sense superstructure and derivation models of multidimensional sense allows identifying the cognitive process of sense decoding and studying the hierarchical structure of transformations providing this process.

As a result of the study the four groups of occasional derivatives with a new meaning are selected, and in accordance with them – the most effective ways of philosophical texts' occasional multilevel semantic constructs transferring

Keywords: decoding, derivation models, philosophical discourse, , sense superstructure transformation, textgame.

Проблема декодирования имманентного смысла при интерпретации философского дискурса тесно связана с возможностями самого прочтения философского текста.

Совершенно необходимым выступает процесс трехчленного декодирования (наряду со смысловосприятием и смыслопорождением на третьем уровне абстракции, в дополнение присутствует и смена кода продуцента на код реципиента – однако это не просто нечленимая эвристическая деятельность, вполне реально вычленив трансформационные модели, участвующие в этом процессе). Порождение адекватного распрямленного смысла при декодировании предполагается лишь в условиях адекватного и эффективного декодирования исходного опредмеченного смысла текста.

Эти процессы необходимо учитывать как при декодировании, так и при перекодировании в новом лингвокультурном пространстве, при переводе. Прежде всего это касается неузуальных новообразований философского дискурса и переосмысленных в результате этимологического переразложения конструктов, образованных в результате языковой игры или комплексной текстовой игры, служащих для вербализации мышления на границе и за границами языка как такового.

Мы в нашем исследовании разделяем комплексную текстовую игру на две пары разновидностей: внутритекстовую – внешнетекстовую, и вертикальную (реализация нескольких значений языкового знака, употребляемого один раз) – горизонтальную (многозначный языковой знак появляется, по меньшей мере, два раза, сначала с одним своим значением, затем с другим). «Эффект игры слов обусловлен непредсказуемостью того или иного звена в речевой речи и неожиданностью восприятия двух значений одного

слова. Игра слов посредством эффекта деавтоматизации восприятия текста привлекает внимание к самой форме слова» [6, 46].

Феномен «языковой игры» в текстах представлен различными языковыми средствами, среди которых прослеживаются сдвиги в значениях, конверсии, заимствования, которые представляют особую трудность для перевода. Поэтому необходимо применение переводческих трансформаций, в частности, частотным оказывается употребление описательного перевода для воссоздания смысла, который был изначально заложен автором.

Образование расширенного понятия либо понятия с меткой сущностной характеристикой и эффектом многоуровневого смысла происходит при создании новых конструкторов или создании описательных именных сочетаний и одновременной их расшифровкой в русском языке. В немецком языке те же самые процессы осуществляются при иной расшифровке уже имеющихся языковых единиц, но переосмысленных в русле нового знания [6, 48].

В наиболее концентрированной форме когнитивные возможности игры слов в сопоставляемых языках проявляются при контаминациях. Семантический анализ позволил исследовать процесс перераспределения смысла как результата взаимодействия когерентных источников, образующих игру слов или каламбур и объединенных контекстом, который является условием когерентности. Различные структурные типы переводных соответствий определенного структурного типа оригинальной игры слов эксплицируют процесс интерференции как ментальный механизм в сознании переводчика.

В основе образования игры слов в текстах лежит нестандартная спонтанная ассоциация, которая условно может быть описана в терминах интерференции (определяющее значение в процессе перераспределения семантических признаков имеет контекстуальная обусловленность игры слов, которая является условием когерентности компонентов, вступающих во взаимодействие).

При принципиальной переводимости игры слов ее переводные соответствия все же воспринимаются как «чужеродные» в принимающих языке и культуре. «Чужеродность» переводного соответствия зависит главным образом от степени культурной маркированности оригинальной игры слов. Типы переводных соответствий: полная трансляция (перевод той же самой игрой слов или буквальный перевод), если компоненты игры слов понимаются одинаково в исходном языке и переводящем языке; частичная трансляция (перевод языковой игрой; «другой» игрой слов или каламбуром); отсутствие трансляции (перевод сравнением, толкованием, опущением в тексте перевода).

Перевод в случае текстов потока сознания или «языковой игры» заключается в «перекодировке» текста оригинала средствами языка перевода, поскольку речь идет не столько о создании эквивалентного вербального текста, сколько о передаче на иностранном языке особых оттенков, а также всей совокупности формальных, семантических и образных составляющих для достижения коммуникативно-прагматического эффекта, равноценного исходному.

Опыт работы с различного вида текстами и встречающимися в них сложными образованиями свидетельствует о необходимости прояснения транслатологических особенностей окказиональных явлений смыслопорождения, в том числе описанных выше случаев. Адекватный перевод отдельных образований и цельного текста с одного языка на другой связан с распознаванием присущих подобным образованиям, возникшим в результате «языковой игры», парадоксального мышления или по окказиональной авторской деривационной модели, значения и смысла, с проблемой перекодирования значения в его смысл. Эквивалентный перевод значения таких языковых единиц на родной язык затруднен их сложной структурой, многозначностью компонентов, необходимостью предварительно разбить уже порождённую языковую единицу, представляющую собой комплексное иерархическое единство, на отдельные, связанные по смыслу группы и т.п.

Анализ текстов, принадлежащих к разным функциональным стилям, показал, что в них широко представлены подобные сложные единицы. Мы исследовали структуру и семантику как «чистых» единиц, состоящих из имен существительных, так и «смешанных», имеющих в своем составе причастия прошедшего времени, имена прилагательные, числительные, предлоги и т.д. Очень часто такие многокомпонентные новообразования, как, например, встречающиеся у М. Хайдеггера композиты, графически оформлены через дефис, или же, как мы можем наблюдать у того же Хайдеггера, это единицы нового этимологического переразложения.

При образовании некоторых терминологических или экспрессивных единиц новой семантики по окказиональным или «игровым» деривационным моделям и слов общей лексики в русском языке используется один и тот же инвентарь словообразовательных средств, но на отдельные словообразовательные элементы ложится иная нагрузка, способная стать наиболее информативно-насыщенным элементом семантики и ведущим признаком номинации.

Перейдём непосредственно к способам адекватной передачи смысла в окказиональном образовании при переводе. При анализе переводческих решений наряду комплексными решениями для передачи неузуального многомерного смысла в исходном языке, которые имеют как эквивалентные так и контекстуальные соответствия в переводящем языке, обнаруживаются и некоторые окказиональные единицы или же переосмысленные единицы, имеющие привычную форму, но подвергшиеся этимологическому переразложению или переосмыслению, для которых в переводящем языке нет прямых соответствий. Смысл текста является категорией экстралингвистической и субъективной, а различия в нормах речевого поведения и экстралингвистическом опыте отправителя и получателя сообщения объясняются не только личностными характеристиками, но и объективными причинами, а именно, принадлежностью автора оригинала и адресата перевода

к различным культурно-историческим коллективам, переводческие преобразования могут являться следствием экстралингвистических причин.

Как, например, в нашем случае при переводе новых иерархически структурированных многоуровневых смысловых систем, порождаемых на основе окказиональных деривационных моделей, которые не известны инокультурному читателю, а зачастую и носителю языка. Чтобы компенсировать дифференциал в значениях получателя и отправителя, переводчик часто прибегает к приему генерализации, к расширениям.

В данном случае мы имеем дело с текстами философии и «потока сознания». Этот факт а также то, что новообразования относятся к безэквивалентной лексике, заставляет нас применять следующие типы трансформаций:

- 1) подбор русского эквивалента или общеупотребительного словосочетания (реже – слова) с близким значением;
- 2) транскрипция;
- 3) транслитерация;
- 4) описательный (разъяснительный) перевод.

Рассмотрим применение этих способов на практике.

Mit anderen Worten: jegliche Apodiktizität, inklusive dieser hier, jeglicher diskursive Terrorismus, jedes «so-und-nicht-anders-ist-es-gewesen», jeder Versuch, nachweisen zu wollen, wie etwas – ein historisches Ereignis, eine Person, ein Text etc. – «wirklich war», verhindert Objektivität, verschleiert Gewesenheit, entwirklicht Wirklichkeit [10] – Другими словами, какая-либо основанность на логической необходимости, включая какой-либо дискурсивный «терроризм», каждое «утверждение того, что все будет так, а не иначе», каждая попытка подобного рода стремятся подтвердить то, что какое-либо историческое событие, личность, текст и т.д. – «имело место быть». Это препятствует объективности, скрывает прошлое, подтверждает действительность.

В данном случае предложение-имя Йорга Зайделя *so-und-nicht-anders-istes-gewesen* не имеет прямого русского эквивалента, что не удивительно, так как состоит из семи отдельных компонентов. Мы постарались подобрать схожий по смыслу эквивалент. А, в связи с тем, что переведенное предложение получилось слишком громоздким, мы применили членение предложения.

Uns, den Zu-spät-Gekommenen, hilft dabei die historische Entfernung. [10] – *Нам, людям живущим намного позже, помогает в этом отстраненность в историческом плане.* Как мы видим, часть композита *gekommen* является третьей формой глагола *kommen*, если бы перевели его дословно, то получилось бы нечто вроде «*пришедшие намного позже*». Как мы видим, смысл в этом выражении сильно искажается. Элемент *spät* указывает на действие, которое происходит позже. Поэтому у нас получился соответствующий перевод.

Mit dem letzten Gedicht des Algalal-Zyklus, «Vogelschau», dem vielleicht vollkommensten, manifestiert, im Sinne des Wortes, George noch einmal – wahrscheinlich um den Abschied wissend – eindrucksvoll seinen l'art-pour-l'art-Ästhetizismus ...[10] – *С последним стихотворением из цикла «Алгалал», «Вид с высоты птичьего полета», вероятно самым совершенным, в смысле слов которого он вероятно на прощание еще раз показал свой эстетизм культуры для культуры...*

Hört man genau hin, so ist die latente Gewalt hinter der seelischen Kulisse melancholischer Empfindsamkeit nicht zu leugnen, etwa in der Wenn-Dann-Kausalität, die ein anderes, erklärtermaßen geliebtes Leben mit dem eigenen belastet, in gewisser Weise erpresst. [10] – *Если внимательно прислушаться, то нельзя отрицать скрытую за кулисами меланхолической души силу чувствительности. Что-то, в причинной связи того, что будет или может быть, обременяющее так полюбившуюся размеренную жизнь собственным, особым способом.*

Также очень часто мы встречаем в текстах аналитической философии субстантивированные инфинитивы, которые в данном конкретном случае представляют собой композиты. Языковой процесс, который обозначается субстантивацией, граммататиках чётко отграничивается от словообразования с использованием аффиксов: субстантивация не нуждается в каких-либо формальных средствах и не образует новых слов в том смысле, в каком это делает производное словообразование. Каждое слово или словосочетание распознаётся по присутствию артикля как существительное или же сочетание с ним. Подобный способ словообразования имеется во всех индоевропейских языках, однако продуктивность его не везде одинакова. Немецкий язык использует его предпочтительнее, чем другие, что можно проследить и в разножанровых текстах аналитической философии, где используется множество таких слов. С грамматической точки зрения субстантивированный инфинитив – это не постоянное образование, оно многогранно. Йоханес Эрбен писал, что инфинитив с местоимёнными словами (*das, dies, ein, sein*) или с предлогом может нести функцию существительного, при этом определители, в иных случаях встречающиеся с существительными, оказываются подчиненными ему. С другой стороны инфинитив может сохранять свои адвербиальные определения и образовывать с ними тесное единство, при этом определители часто стоят перед инфинитивом, например *durch langes In-den-Akten-Blättern*. Более того субстантивированный инфинитив может встречаться без формальных признаков как и любое существительное, например, *Zeugen eines Großwerdens*. И появляется во всех вышеперечисленных комбинациях, на что не указывал Й. Эрбен. Далее рассмотрим примеры:

Gelassenheit will somit auch nicht nur ein Verzichten sein, sondern ein viel schwierigeres Verzichten-Können, das aus der Einsicht in die letztendliche Sinnlosigkeit allen irdischen Strebens geboren werden muss. [10] – (Настоящая свобода будет проявляться не только в отказе, но и во многом более трудной

возможности самого отрицания, которое должно родиться из познания полнейшей бессмысленности всех земных стремлений.

*Sowohl Schöpfer als auch Geschöpf wissen um das Dilemma des **Schöpfen-Müssens**, um den Zwang zur Neuheit, die sich stets selbst überlebt. [10] – Как создатель, так и творение несут внутреннюю дилемму **необходимости создавать что-то новое**, принуждение к новшеству, которое постоянно обновляются.*

Субстантивированные инфинитивы делают возможным мышление о движении или состоянии в его общности. Этого они добиваются, как и *nomina actionis*, к которым в большинстве и причисляются, и которые в греческом и немецком языках одновременно с субстантивацией чистых глагольных форм превалируют над другими способами словообразования. В сравнении с *nomina actionis* на -ung и -nis субстантивированные инфинитивы проявляют большую продуктивность: обозначают действие или состояние понятий, но более наглядно, так сказать, мысленно, они не переходят полностью из динамического глагольного статуса в класс существительных. По Й. Эрбену производные на -ung относятся к отглагольным именам. Они служат в содержательном смысле для образования *nomina actionis* и «слов, обозначающих результат действия». Пример:

*Nicht um ein als Territorium zu denkendes Land handelt es sich, sondern um das Gebiet der Sprache, das Sprachland und eben das expandiert mit jeder neuen **Wort-Ding-Entsprechung**. [10] – Речь идет о территории не как о гипотетическом пространстве, а как об области языка, мире функционирования языка, и как раз он расширяется с каждой новой **денотацией**.*

Предложения-инфинитивы не являются словотворчеством в прямом смысле, в них лишь проявляется желание приблизить различные явления к пониманию с помощью уже имеющихся в наличии языковых элементов. Если сравнивать возможности выражения в композитах и новообразованных словах,

то нужно сказать, что первый способ удобнее. Второй способ требует от читателя больших усилий и понимания. Композиты – целенаправленные и содержательные образования, однако они плохо соотносятся с так называемым чувством языка.

*Älter noch ist die Dichtung als **Sein-Könnende** Geschichte, die Dichtung des Magier, Schamanen, des Zauberers, der nicht nur die gedichteten Korrelate zu den materiellen und immateriellen Dingen kannte – das Zauberwort, den Zauberspruch – sondern auch Zukunft sah. [10] – Поэтика еще старше, чем История материальных преобразований действительности, поэзия мага, шамана, волшебника, который знал не только созданные соответствия к материальным и нематериальным объектам – заклинания, но и видел будущее.*

Кроме того, нам встречаются и другие субстантивированные элементы, которые противоречат грамматической норме. Причина этого не только в том, что данные образования от частиц не являются однозначными, но и в том, что в такой форме они не встречаются ни в одной грамматике немецкого языка, другими словами, относятся к безэквивалентной лексике. Именно своей необычностью они и интересны. Приведенные ниже примеры можно отнести к композитам выраженным в форме субстантивированных частиц.

*Jedenfalls haben wir es nicht mit einer allgemeingültigen Aussage zu tun, die demnach auch keine philosophische Relevanz beansprucht – insofern als Philosophie nur deskriptiv, reflexiv wirksam sein kann, – sondern mit einem Diktum oder anders: es wird eher festgesetzt als festgestellt und auch diese Festsetzung hat eher Gültigkeit im Georgeschen **Für-Sich** als im **An-und-Für-Sich**. [10] – Во всяком случае, мы не должны делать это с общеупотребительным высказыванием, которое не претендует на какую-нибудь философскую релевантность – поскольку философия может быть эффективной лишь при описании, и рефлексивном акте: оно скорее просто фиксирует, чем определяет, а это определение имеет силу скорее в смысле «для себя» чем в смысле «для себя и других».*

Каждый речевой жанр или область практической деятельности человека определенным образом структурирует и обсуждает окружающую действительность, представляя некий дискурс, макротекст, включенный в определенный социокультурный фреймовый фон. Так как дискурс – связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах), то тексты аналитической философии, рассчитанные и рассматриваемые именно в конкретном семиозисе, порождают новые, латентно уже содержащиеся в парадигматической ткани языка смыслы на основе номинативной иерархической структуры.

Сопоставительный анализ оригинальных текстов и текста перевода обнаруживает, что наиболее продуктивными способами перевода немецких окказиональных многоуровневых смысловых конструкторов текстов философии являются:

- 1) подбор русского эквивалента или общеупотребительного словосочетания (реже – слова) с близким значением;
- 2) трансформационный перевод (окказиональный переводческий эквивалент);
- 3) описательный (разъяснительный) перевод.

В результате можно выделить релевантные для перевода четыре группы окказиональных дериватов с новым смыслом, и соответственно им – наиболее эффективные способы адекватного перевода.

Во-первых – это узуальные дериваты. Такие сложные единицы фиксируются всеми существующими одноязычными и двуязычными словарями, а потому наиболее продуктивным способом перевода данного вида структурных единиц служит подбор русского эквивалента, который закрепляется в понятийном словаре конкретной научной области.

Во-вторых – это относительно узуальные сложные дериваты. Подобные сложные новообразования чаще всего переводятся калькированием, однако в русском языке чаще всего принимают форму словосочетаний, которые, однако, воспринимаются как единое целое, часто не имеющее отношения к изначальным составляющим его элементам, с введением новых уровней смысловой иерархии.

Третья группа объединяет в своем составе новообразования со свойствами производимости, нормативности, изолированного понимания. Как и предыдущая группа, подобные дериваты иногда переводятся калькированием, но гораздо чаще описательным переводом.

Четвертая группа объединяет различного вида окказиональные дериваты с новым многоуровневым иерархически структурированным смыслом на основании наличия свойств творимости, новума, изолированного понимания, но они не обладают общепринятостью, нормативностью, частотностью употребления. Эти единицы требуют описательного перевода или перевода окказиональным переводческим соответствием.

Список литературы

1. Алимуратов О.А., Григорьева Н.В. Интеракциональная природа дискурса и некоторые критерии его осмысленности. Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. № 2. С. 31-37
2. Богин Г.И. Субстанциальная сторона понимания текста. Тверь: ТГУ, 1993. 138 с.
3. Бредихин С.Н. Прологомены к общей теории смысла философского дискурса (введение в иерархическую ноэматику смысловых структур). Ставрополь: Ставропольское Издательство «Параграф», 2012. 176 с.
4. Кузьмина Н.А. Феномен художественного перевода в свете теории интертекста URL: [http:// www. irlras-cfrl.rema.ru:8101/publications/reports/perevod-2.htm](http://www.irlras-cfrl.rema.ru:8101/publications/reports/perevod-2.htm) (Дата доступа 13.08.2013).

5. Литвинов В.П. Технический подход к языковому средству в текстах М. Хайдеггера (предварительные результаты исследования. Реализация языковых единиц в тексте: Сб. науч. тр. Свердловск, 1986. С.82-87.
6. Мироненко С.А. Выразительные возможности игры слов в русском и немецком языках (сопоставительный аспект). Краснодар, 2006. С.46-48
7. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М., 1991. 486 с.
8. Hannay A. To See a Mental Image // Mind. 1973. Vol. 82. № 326. pp. 161-182.
9. Husserl E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Haag, 1950. B. 1. § 130-131.
10. Seidel Jörg, Muß man unbedingt modern sein? Zur Signatur der Moderne im Werk Stefan Georges [Muß man unbedingt modern sein?]. <http://seidel.jaiden.de/george.php> (Дата доступа 13.08.2013).

References

1. Alimuradov O.A., Grigor'eva N.V. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2009. № 2. pp. 31-37.
2. Bogin G.I. *Substancial'naja storona ponimanija teksta* [Substantial angle of text understanding process]. Tver: TGU, 1993. 138 p.
3. Bredikhin S.N. *Prolegomeny k obshhej teorii smysla filosofskogo diskursa (vvedenie v ierarhicheskiju nojematiku smyslovyh struktur)* [Philosophical text's general sense theory prolegomena]. Stavropol: «Paragraph», 2012. 176 p.
4. Kuz'mina N.A. *Fenomen hudozhestvennogo perevoda v svete teorii interteksta*. [http:// www. irlras-cfirl.rema.ru:8101/publications/reports/ perevod-2.htm](http://www.irlras-cfirl.rema.ru:8101/publications/reports/perevod-2.htm) (accessed August 13, 2013).
5. Litvinov V.P. *Tehnicheskij podhod k jazykovomu sredstvu v tekstah M. Hajdeggera (predvaritel'naye rezul'taty issledovanija. Realizacija jazykovyh edinic v tekste: Sb. nauch. tr. Sverdlovsk, 1986. 82-87.*

6. Mironenko S.A. *Vyrazitel'nye vozmozhnosti igry slov v russkom i nemeckom jazykah (sopostavitel'nyj aspekt)*. [Expressive power of a word-play in russian and german (contrastive-comparative aspect)], Krasnodar, 2006. pp. 46-48.

7. Ortega-i-Gasset Kh. *Chto takoe filosofiya?* [What is philosophy?] Moscow, 1991. 486 p.

8. Hannay A. To See a Mental Image. *Mind*. 1973. Vol. 82. № 326. pp. 161-182.

9. Husserl E. *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie*. Haag, 1950. B. 1. § 130-131.

10. Seidel Jörg, *Muß man unbedingt modern sein? Zur Signatur der Moderne im Werk Stefan Georges* [Muß man unbedingt modern sein?]. <http://seidel.jaiden.de/george.php> (accessed August 13, 2013).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Бредихин Сергей Николаевич, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода

Северо-Кавказский федеральный университет

ул. Пушкина, 1а, Ставрополь, Ставропольский край, 355009, Россия

bredichinsergey@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Bredikhin Sergey Nikolaevich, PhD, associate professor, chair “Theory and Practice of Translation”

North-Caucasus Federal University

ul. Pushkina, 1a, Stavropol, 355009, Russia

bredichinsergey@yandex.ru